

И снова наступило ЛЕТО

СИДЕЛ я однажды на берегу Нила, на окраине нашего квартала, на стволе спиленной и заброшенной старой акации, у обочины пыльной дороги. Мои взоры были устремлены к огромному рекламному щиту, прикрепленному прочно на двух столбах на противоположной стороне дороги. На щите четкими крупными буквами изящным почерком были выведены следующие заманчивые слова:

«Строительная компания «Рай» выстроит тебе дворец в рай. За пять египетских фунтов в месяц компания выстроит тебе шикарную виллу. Отводы канализации за счет компании.

Внеси четверть стоимости авансом. Остальная часть — в рассрочку на десять лет по пять фунтов ежемесячно!»

Несмотря на то, что участок, как видно, из дальнейших подробностей рекламы, уже был отведен под строительство, по нему мерно тащился взад и вперед погоняемый феллахом старый, исхудалый бык с завязанными глазами, вращавший старую, обветшалую водочерпальную установку — сакию¹, которая поднимала нильскую воду на поле, засаженное овощами. Мизерное количество вычерпываемой воды никак не вязалось с душераздирающим скрипом огромного маховика сакии. Подаваемая вода журча переливалась по небольшому желобку на участок, напоминающий собою голову деревенского парнишки, остриженного отцом домашними ножницами для овец, чтобы не расходовать са на парикмахера.

На другом конце участка феллах в закатанных штанах, с засученными рукавами нежно и любовно принимал небольшую струйку журчащей мутной воды и направлял ее по канальчику на свое поле.

Стоило мне отвести глаза от поля, быка и сакии, как я увидел приближающегося издали Абд ар-Раззак-эфенди в наглаженной белой сорочке — гильбаб. Белые кисти хлопушки для отгона мух свисали с его правого плеча и ударялись о грудь в такт с размеренными шагами туфель на высоких каблук-

ках; поднимавшаяся от них светло-серая пыль тут же садилась и смешивалась с придорожной пылью.

По всему было видно, что он, как и я, вышел подышать предвечерним воздухом. Жара этим летом стояла несносная. Солнце склонялось к горизонту, а сидеть в душной квартире в такое время — адская мука, тем более в малогабаритных квартирах нашего окраинного квартала. Абд ар-Раззак-эфенди снимал квартиру за пять фунтов в месяц этажом ниже меня, и, несомненно, она была такой же тесной и душной, как у меня, а ведь у него была куча детей.

Абд ар-Раззак-эфенди вплотную подошел ко мне, пригнув свою седеющую голову с щетинистыми волосами, с застывшей улыбкой на смуглом лице, где прожитые им в постоянной нужде пятьдесят нелегких лет запечатали свои незатейливые морщины. Помахивая хлопушкой, он поздоровался со мной:

— Ассалам алейкум!

Я пожелал ему здоровья и божьей милости и вполне учтиво сказал:

— Пожалуйста, садитесь, эфенди!

Мы сели. К моему удивлению, он начал говорить со мной так, как если бы мы были старыми, закадычными друзьями, хотя мы беседовали с ним впервые.

Городская жизнь приучила меня не заводить друзей и не навещать без нужды соседей. Он также, видимо, по той же причине не заходил ко мне. За три месяца нашего соседства мои сведения о нем ограничивались двумя истинами. Из дощечки на двери его квартиры я узнал, что там живет Абд ар-Раззак Мустафа Мурси, служащий муниципалитета. Второй истиной было то, что он хороший отец и у него много детей.

Между тем Абд ар-Раззак-эфенди продолжал разговаривать со мной как старый друг. Он спрашивал о здоровье моего единственного сына Мухаммеда. Жаловался, что его младшая дочь страдает от кашля, не дающего ей покоя по ночам. Затем убежденно сказал:

— Все от тесных квартир, дорогой мой! Мы живем в районе, где воздух довольно сухой, однако дочь кашляет всю зиму!

¹ Сакия — водочерпальное оросительное колесо, маховик древней конструкции.

Помолчав немного, он восторженно добавил:

— Иншалла, бог скоро избавит нас от этого отвратительного подобия жилья!

Я понял, что он строит дом, и поздравил его. Но он опять изумил меня, отрицательно покачав головой:

— Я еще не начал строить. Но, бог даст, построю... Как только две недели назад я увидел эту рекламу, так и решил строиться... Пять фунтов в месяц — это не проблема. Это же не больше суммы, выплачиваемой домовладельцу!

Я знал, что дело не столько в пяти фунтах ежемесячного взноса, сколько в немедленной выплате аванса в размере четверти стоимости виллы. Я тоже было соблазнился предложением компании «Рай», но почувствовал, что не смогу внести аванса.

— Дворец, который уготован в раю, дешевле, — заметил я, улыбаясь, — там за него по крайней мере не надо платить сразу четверть стоимости.

Погруженный в свои мечты, Абд ар-Раззак даже не заметил шутки и с оживлением продолжал:

— Четверть стоимости — пустяки, дружиссе... Брось курить, и за год ты сбережешь нужную сумму!

Я засмеялся:

— Неужели вы тратите на курева 200 фунтов в год?

Он ничего не сказал, вновь и вновь перечитывая рекламу. А смуглое лицо его сияло, как у школьника, сдавшего экзамен за восьмой класс.

Впрочем, мой вопрос и не нуждался в ответе. Ежемесячный заработок Абд ар-Раззака-эфенди едва ли превышал 20 фунтов.

Приближавшийся в это время к нам с противоположного конца поля феллах — погонщик быка, посмотрел на нас исподлобья, в сердцах ударил старого худого быка, и тот, задыхаясь, потянул веревку сакии.

* * *

С того раза мы стали часто вместе выходить подышать воздухом. Абд ар-Раззак был по-прежнему одержим желанием выстроить виллу.

— Я выкуриваю сигарет на три фунта в месяц, — говорил он. — Как только брошу, за год сумею войти в....

— 36 фунтов из по крайней мере необходимых 200. Несбыточные грезы!

— Нет, все учтено. С этого месяца я начну получать надбавку за выслугу лет. Сосчитайте, сколько это составит в год!

— 24 фунта.

— Прибавьте 36 фунтов, сэкономленные на сигаретах. Стало 60 фунтов. Возьмем еще кредит в банке, ну, скажем, в размере трехмесячной заработной платы. Сколько будет 25 на три?

— 75 фунтов.

— Плюс 60 фунтов. Это, дорогой мой, уже 135 фунтов. Остается совсем немного до нужных 250 фунтов.

Внезапно с его лица исчезает счастливая улыбка ученика, только что успешно сдавшего экзамен за восьмой класс. Он зажигает сигарету и, нервно затянувшись дымом, говорит:

— Если бы можно было работать сверхурочно! У нас сверхурочно работать разрешают только любимицам начальника канцелярии! Станем подхалимничать, мой господин! Шесть фунтов в месяц стоят того.

При этом он продолжал жадно курить и при одном упоминании о начальнике канцелярии приходил в ярость, из чего я заключил, что план его все еще находится в стадии разработки...

Поэтому я был поражен, когда однажды зашел, чтоб пригласить его полюбоваться закатом, и узнал от Васфи (сына Абд ар-Раззака), что сегодня после обеда отец вновь отправился на работу. Тогда я пошел на берег один, и, сев на наше любимое место, стал прикидывать в уме: неужели он действительно приступил к осуществлению своего плана? Этот вечер я провел один. Передо мною была та же реклама строительной компании «Рай», а рядом старый, худой бык, с завязанными глазами тащил лямку, выкачивая воду из Нила.

Так прошли летние месяцы. Мы встречались с ним очень редко. Он возвращался домой только в 9 часов вечера, утомленный после сверхурочной работы, ужинал и тут же засыпал как убитый.

Затем наступили холода, и я прекратил вечерние прогулки.

За всю зиму я видел Абд ар-Раззака не более трех раз: один раз — когда заходил навестить его сына Мурси, заболевшего воспалением легких; другой раз — когда он сам пришел ко мне попросить, не поручусь ли я своей будущей зарплатой, чтоб ему выдали в банке кредит в размере его трехмесячного заработка. Но я не смог тогда выполнить его просьбу, так как сам уже получил кредит в счет своей заработной платы. Он понял мое положение и не был огорчен моим отказом. Он сообщил мне, что один из его товарищей по службе сумеет гарантировать ему этот кредит.

Затем наступило лето.

Я сидел на берегу Нила на том же стволе, когда увидел Абд ар-Раззака-эфенди. Он шел ко мне в наглаженной белой сорочке. Белые кисти хлопчатки для отгона мух свисали с его правого плеча и ударялись о грудь в такт с размеренными шагами туфель на высоких каблучках; поднимавшаяся от них светло-серая пыль тут же садилась и смешивалась с придорожной пылью.

Я встретил его искренним дружеским приветом, а он сел рядом со мной и сказал:

— Снова жара несносная. В квартире духота ужасная! Иншалла, бог смилостивится над нами и вскоре избавит нас от этого отвратительного подobia жилья!

Я не знал его последних планов относительно строительной компании «Рай» и спросил:

— Ты уже договорился с компанией окончательно?

— Нет еще пока...

— Сколько же осталось накопить до 200 фунтов?

— Осталось еще много... около 250 фунтов.

Растерянно уставившись на него, я вскрикнул:

— Так ты разве еще не заключал контракта с компанией?

— Какой там контракт! Я кругом должник, клянусь честью!

— Как то есть? А разве надбавки не получаешь?

— Два фунта в месяц. А дыр шестьдесят!

— А сверхурочные?

— Да проклянет бог эти сверхурочные и тех, кто работает сверхурочно! Шесть фунтов сверхурочных целиком уходят на курево, транспорт, буфет. Сверхурочные! Дурачина я, и будь проклят этот подлый начальник канцелярии!

— А кредит, который ты хотел получить?

— Эти 30 фунтов кредита пошли на врачей и лекарства.

— Почему только 30? Ты ж хотел взять в размере трехмесячного жалованья?

Устало помахав хлопущкой, Абд ар-Раззак ответил:

— Коллега, который должен был гарантировать мне кредит, сам оказался в не менее ужасном положении, и мы поделили кредит пополам.

Я промолчал. Мне стало неловко и искренне жаль его. Я отвернулся, чтобы не видеть человека, у которого пошли прахом все радужные планы, когда он уже находится в преддверии старости! Доживет ли он до тех дней, когда осуществляются его мечты? И вдруг слышу, как он говорит мне:

— Богу было угодно испытать мою выносливость в этом году.

Я взглянул на него. Глаза его вперились в рекламу строительной компании «Рай», на лице снова промелькнула счастливая улыбка школьника, только что успешно сдавшего экзамен за восьмой класс.

И, помахивая своей хлопущкой, он сказал:

— Следующий год будет легче... Двести фунтов — не проблема! Вовсе не проблема!.. Вовсе...

В этот момент к краю поля, где сидели мы, приблизился погонщик быка. Он посмотрел на нас гневно, исподлобья, затем ударил старого, худого быка, едва тащившего лямку старой, прогнившей сакии. Маховик ее издавал такой громкий, хриплый скрип, что нам казалось, будто спицы этого старого огромного колеса вот-вот рассыплются.

Перевел с арабского
А. Султанов

ШУТНИКИ

(Окончание. Начало см. на стр. 39)

были. Я обратился к тому, который больше всех занимался со мной:

— Бей-эфенди, ну как, меня приняли на работу?

— А-а-а, — сказал он, — смотри-ка ты, забыл я про тебя. Из всех желающих не было никого выносливее. Да, мы тебя приняли. Скажи бухгалтеру, — обернулся он к секретарю, — пусть он передаст в кассу, чтобы этому человеку выдали две с половиной лиры.

Затем он опять повернулся ко мне и продолжал:

— Наша компания каждый месяц будет получать с американской фабрики новые шуточные товары. Третьего числа каждого месяца приходи сюда. Мы будем их на тебе испытывать. И каждый раз в кассе тебе будут платить две с половиной лиры. Не забудь, третьего числа каждого месяца...

— Ха... Ха-а! — засмеялся я.

— Ты большой шутник. Я тоже люблю шутки, — улыбнулся он.

Я смеялся. Он тоже смеялся. Голодный, несчастный, я все свои последние силы вложил в удар. Мой кулак опустился на нос этого типа. Он попятился, упал, стукнулся задом. Из носа у него брызнула кровь. Все были ошарашены.

— Я немного пошутил, — сказал я.

— Ничего себе, пошутил! Ослиное остроумие! — закричали на меня со всех сторон.

— Что поделать, мы бедняки. Ваши шуточные приспособления не по карману людям, которые получают две с половиной лиры в месяц... Так что ж, нам и шутить теперь нельзя? А наши шутки без приспособлений могут быть только такими.

Я вышел, громко хлопнув дверью, и отправился домой. В самом конце последней тетради, заполненной изречениями о жизни, я написал: «Жизнь — это горькая шутка».

Перевел с турецкого
В. Никифоров.